

УДК 330.8
ББК 65.02
DOI [10.17150/2308-2588.2017.18\(1\).7-29](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2017.18(1).7-29)

Ю. В. Латов
Институт социологии РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация

ЧТО НАХОДИТСЯ «ПО ТУ СТОРОНУ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА»? МАРКСИСТСКИЕ КОРНИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЕТВИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ

Аннотация. В современном обществоведении наиболее «живой» частью научного наследия Карла Маркса, подхваченной и развитой его последователями (прежде всего, институционалистами), является теория общественных формаций. В обзорной статье автор дает обзор современному содержанию этой теории с акцентом на сюжеты, связанные с постиндустриальным обществом — предсказанным Марксом «обществом по ту сторону материального производства». Именно для марксистского обществоведения органично объяснение развития человечества как прогрессивного восхождения «по ступенькам» от одной формы общества (формации) к другой. Все последующие концепции последовательных фаз прогрессивного развития (включая и различные модификации постиндустриального общества) всегда генетически в той или иной степени связаны именно с марксистским обществоведением. Хотя концепции пионеров постиндустриализма (прежде всего, Д. Белла и О. Тоффлера) от марксизма дистанцировались, при дальнейшем углублении их подходов большую роль сыграли обществоведы (в частности, М. Кастельс), которых относят к числу постмарксистов — тех, кто сознательно трансформирует исходные марксистские идеи (в частности, приоритетное внимание к проблемам социального неравенства) к новым условиям, кто соз-

дает «марксизм XXI века». Таким образом, современный научный дискурс о постиндустриальном/информационном обществе правомерно рассматривать как своеобразную инкарнацию марксизма, который до сих пор «живее всех живых».

Ключевые слова. Постиндустриальное общество, марксизм, теория формаций.

Yu. V. Latov

*Institute of Sociology RAS,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

WHAT IS ON THE OTHER SIDE OF MATERIAL PRODUCTION? MARXIST ROOTS AND INSTITUTIONAL BRANCHES OF POST-INDUSTRIAL THEORIES

Abstract. Marx's formation theory developed by his followers (mostly by institutionalists) became one of the most prominent of his works in the contemporary social science. The article reviews the current state of the theory underlining the moments connected with post-industrial society, especially since Marxists social science seamlessly explains the development of the Humanity from one organizational form to another and the most of other progressive development theories are based on it. And despite the fact, that pioneers of postindustrial theory (D. Bell and A. Toffler) distanced themselves from the Marxism, their followers were Post-Marxists (like Manuel Castells). Therefore, contemporary Post-Industrial society discourse can be viewed as modern incarnation of the Marxism.

Keywords. Post-industrial society, Marxism, formation theory.

Одним из юбилейных событий текущего года является 150-летие впервые опубликованного в 1867 г. знаменитого «Капитала» (точнее, его первого тома) Карла

Маркса. Этот «круглый» юбилей заставляет лишний раз задуматься о том, какие «составные части» марксизма оказались более плодотворными, а какие менее.

Как известно, сам Маркс считал главной своей научной заслугой теорию прибавочной стоимости как органической части трудовой теории стоимости. Однако в современной экономической науке вопрос, кто именно (наемный рабочий? рабочие и капиталист как коллективный работник? все «факторы производства»?) производит новую стоимость, оттеснен на дальние задворки.

Про Маркса в XXI в. вообще чаще вспоминают даже не «чистые» экономисты, а скорее историки, философы и социологи, изучающие длительные тенденции развития человеческого общества. Это связано с тем, что наиболее «живой» частью научного наследия Маркса, подхваченной и развитой его последователями (прежде всего, институционалистами), оказалась теория общественных формаций. Соответственно, из всего толстого 1-го тома «Капитала» чаще всего вспоминают его исторические очерки, рассказывающие про «так называемое первоначальное накопление» (гл. 23) и про промышленный переворот (прежде всего, гл. 12 и 13).

В данной обзорной статье автор попытается дать обзор современному содержанию этой теории с акцентом на сюжеты, связанные с постиндустриальным обществом — предсказанным Марксом «обществом по ту сторону материального производства» (эта формулировка содержится в 3-м томе «Капитала»).

Теория формаций (способов производства)

На протяжении развития человеческого общества сменяли друг друга и сосуществовали друг с другом различные типы обществ, резко отличающиеся между собой по многим параметрам. В объяснении многообразия типов общества и причин перехода от одного

типа к другому сталкиваются два концептуальных подхода — формационный и цивилизационный (табл. 1).

Таблица 1

Различия между формационным и цивилизационным подходами к анализу развития общества

Критерии	Формационный подход	Цивилизационный подход
Длительные тенденции в истории общества	Прогресс — качественное совершенствование	Цикл — периодическое повторение
Основные общественные системы	Последовательно сменяющие друг друга фазы-формации	Сосуществующие цивилизации
Определяющие черты общественной системы	Организация материального производства	Духовные ценности
Пути развития общества	Существование главного («магистрального») пути развития	Множественность равнозначных путей развития
Сравнение общественных систем друг с другом	Одни фазы-формации лучше (продвинутой) других	Разные цивилизации принципиально равноценны
Влияние общественных систем друг на друга	Более развитые формации приходят на смену менее развитым, уничтожая их	Цивилизации могут ограниченно обмениваться культурными ценностями

Приверженцы *формационного подхода* видят в развитии общества прогресс (качественное совершенствование), переход от более низших к более высшим типам общества. Напротив, сторонники *цивилизационного подхода* подчеркивают в развитии общества цикличность и равноценность разных общественных систем. В длительной полемике приверженцев обоих подходов чаще всего доминировали сторонники формационного подхода — не только потому, что мир за последние столетия определенно развивался «вперед и вверх», но и потому, что идея «стрелы времени» вообще имманентна для западноевропейской цивилизации, объединившей в XVI в. мир и возглавившей возникший мир-систему. В современном дискурсе обществоведения, как пра-

вило, стержнем развития общества считается именно прогрессивное развитие, в то время как циклы подъемов-упадков цивилизаций — одним из элементов «внутренней начинки» фаз прогресса.

Идея о том, что общество в своем прогрессивном развитии проходит некоторые универсальные этапы, детерминированные постепенным совершенствованием производства, имманентно связана с развитием социалистических идей. Ее основоположником считается французский социалист-утопист Анри де Сен-Симон, который еще два столетия назад предложил выделять три основных этапа развития общества (рабство — феодализм — индустриализм). Позже этим вопросом занимались представители ранней немецкой исторической школы, однако относительно законченную форму формационный подход получил только в середине XIX в. в социально-экономическом учении Карла Маркса. Все последующие концепции последовательных фаз прогрессивного развития (включая и различные модификации постиндустриального общества) генетически в той или иной степени связаны именно с марксистским обществоведением.

Именно для марксистского обществоведения органично объяснение развития человечества как прогрессивного восхождения «по ступенькам» от одной формы общества (формации) к другой. Маркс исходил из следующей установки: если человечество закономерно поступательно развивается как единое целое, то все оно должно проходить в своем развитии определенные этапы. Эти этапы он и назвал «общественно-экономические формации». По определению Маркса, общественно-экономическая формация представляет собой «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество, с своеобразным отличительным характером» [7, с. 442].

По поводу числа и последовательности формаций в теории марксизма с самого начала полной ясно-

сти не было, поскольку основоположники марксизма не считали себя знатоками всего на свете и не стеснялись в разные периоды несколько по-разному освещать этот вопрос, требующий отличных знаний исторического процесса. В конце концов, канонической стала считаться упрощенная концепция-«пятичленка» — схема чередования пяти фаз (первобытность → рабство → феодализм → капитализм → коммунизм). Это произошло уже в рамках советского марксизма, с 1930-х гг. Хотя на протяжении почти всей советской истории продолжались (явно или подспудно) дискуссии об азиатском способе производства, однако современная эпоха однозначно рассматривалась как переход от частнособственнического капитализма к коммунизму, основанному на общественной собственности.

Проблематика догоняющего развития неразрывно связана с формационной парадигмой общественного развития: поскольку разные страны/нации развиваются асинхронно, с разной скоростью, то постоянно возникают разрывы между более передовыми и отставшими странами/нациями. Преодоление этих разрывов может происходить либо за счет завоеваний отставших стран передовыми, либо за счет ускоренного заимствования отставшими странами более передовых технологий и «производственных отношений». Приветствуя преодоление отсталости, основоположники марксизма, однако, вполне отдавали себе отчет в высоких социальных издержках этого процесса. Хрестоматийно известна предложенная К. Марксом жестокая метафора, уподобляющая прогресс общества кровавому жертвоприношению: «Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, ...лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого» [4, с. 230].

Вопрос о специфике национальных (можно сказать, цивилизационных) путей к прогрессу основоположников марксизма определенно интересовал и даже интриговал, о чем свидетельствует, в частности, история знаменитого письма К. Маркса В. И. Засулич, написанного им в марте 1881 г., за два года до собственной смерти¹. Последующими поколениями наследников Маркса вопрос о различиях в строительстве «нашего нового мира» (как пели в Интернационале) продолжал обсуждаться, хотя и приглушенно. Когда же в

¹ Российские революционеры-народовольцы, готовящее убийство Александра II, хотели проконсультироваться, как по мнению главного теоретика европейского социализма будет развиваться Россия, отставшая от Западной Европы. Ранее Маркс глядел на императорскую Россию, подобно большинству свободомыслящих европейцев, лишь как на оплот феодальной реакции, «гасителя» европейских революций. Однако письмо В. И. Засулич, видимо, стимулировало Маркса к менее тривиальным размышлениям о сложной диалектике процессов национального развития. Среди русских народников давно пользовалась популярностью точка зрения, что отсталость России может стать не тормозом, а стимулом социалистических преобразований: в Западной Европе социалистам надо будет менять частную собственность на коллективную собственность, а в России — только трансформировать одну форму коллективной собственности (общинную) в другую (общенародную). Если раньше К. Маркс относился к этой идее как к попытке выдать нужду за добродетель, то теперь он отнесся к ней более благожелательно. Тем не менее, твердой точки зрения по данному вопросу у Маркса, судя по всему, не сложилось. В результате он написал несколько черновиков ответа, мучительно пытаясь выразить свое не вполне сформировавшееся мнение, но в конечном счете ограничился в письме В. И. Засулич от 8 марта 1881 г. самой общей мыслью: «Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания... убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития» [9]. Когда почти 40 лет спустя российские марксисты-большевики стали практически решать вопрос обобществления, то оказалось, что Маркс не случайно обставил свой ответ целым рядом оговорок, — «точкой опоры социального возрождения России» русская община так и не стала.

1950-е гг. сформировалась «мировая система социализма», то быстро обнаружилось, что эта система очень гетерогенна, причем с течением времени разнородность отнюдь не уменьшается². Поэтому уже в 1960–1980-е гг. в рамках политэкономии социализма можно было говорить о множественности путей подхода к наступающей коммунистической общественной формации и о том, что отставание не фатально. Широкой популярностью пользовалось мнение, что, «оседлав» самый передовой общественный строй, отсталые страны (такие как Монголия и Китай) могут резко улучшить уровень своего социально-экономического развития и создать предпосылки, чтобы догнать и перегнать страны с менее передовым строем.

Однако на рубеже 1980–1990-х гг. «внезапно» обнаружилось, что строительство «реального социализма» было не прорывом к новой общественной формации, а, так сказать, фальстартом. Социалистические страны «бежали» не то чтобы в совсем противоположную сторону — они решали в принципе те же задачи, что и развитые капиталистические страны, — но их путь зашел в тупик. В результате оценки опыта социалистического развития («командно-административной системы») до сих пор очень неоднозначны: в одних аспектах оно действительно было шагом отсталых стран к «новому миру», в других аспектах оно, наоборот, разрушало предпосылки формирования мира, где, как указывалось в «Манифесте Коммунистической партии», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [6, с. 447]. Сове-

² Общеизвестны, прежде всего, сильные отличия югославского «самоуправленческого социализма» от советской системы централизованного государственного управления. Хорошо известны также отличия индустриального Советского Союза от аграрных «социализмов» Китая, Северной Кореи, Кубы и Вьетнама. Менее известно, что почти во всех социалистических странах Восточной Европы частный сектор, в отличие от СССР, всегда сохранялся и играл заметную роль в экономике.

менный дискурс модернизации опирается поэтому не непосредственно на марксистскую теорию формаций, а на институциональную теорию постиндустриального общества. Эта теория разделяет почти все основные принципы марксовой формационной теории, хотя и выделяет несколько другие этапы развития общества (или по-другому их называет).

Концепции постиндустриального общества

Теория постиндустриального общества зародилась в работах западных социологов и экономистов (прежде всего, Д. Белла, О. Тоффлера и Дж. К. Гэлбрейта) в 1970-е гг. как своеобразный «ответ» на марксистский «вызов». В это время уже стало понятно, что марксизм в своем предсказании становления новой формации был одновременно и прав, и неправ. Марксисты оказались вполне правы, предсказывая еще в позапрошлом веке объективные тенденции преодоления отчуждения работников от труда, от управления и от собственности. Действительно, если классическая индустрия требовала работника-винтика, способного к однообразным действиям под контролем мастеров и инженеров, то со второй половины XX в. стремительно растет спрос на работника, способного к самоорганизации и самоконтролю. В то же время марксисты ошибались (или слишком забежали вперед), надеясь преодолеть отчуждение при помощи огосударствления и втягивания всех работников в государственное управление. Увы, сложность управления росла быстрее роста уровня образования, поэтому основная масса работников по-прежнему не может (и не хочет) нести ответственность за принятие ответственных решений. Поэтому исследователи постиндустриализма попытались «очистить» социалистическую в своей основе идею социально-экономического прогресса от наивных упований на всемогущество государственного контроля. В результате внимание сместилось с вопросов измене-

ния собственности на средства производства на вопросы сдвига власти (функций управления) под влиянием изменений производственных технологий.

Важно отметить, что подход к анализу развития общества, основанный на первичности технологических изменений, в рамках марксизма тоже существовал, но он рассматривался как упрощение материалистического понимания истории, как технологический детерминизм. В одной из ранних работ К. Маркс писал, например, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном [т. е. феодалом] во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [8, с. 133]. Постиндустриальные теории по существу являются развертыванием именно этого тезиса из неопубликованной «Нищеты философии». В советском обществоведении создателей концепций постиндустриального общества часто критиковали как вульгаризаторов, не замечая, что в условиях НТР более простая версия материалистического понимания истории оказалась ближе к жизненным реалиям, чем апелляция к собственности на средства производства.

Пионерную роль в формировании парадигмы постиндустриального общества сыграл американский социолог Д. Белл, чья монография «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.) [1] стала своего рода манифестом нового подхода к пониманию макротенденций развития общества³. Теории *постиндустриального общества* рассматривали эволюцию общества как последовательную смену трех социально-экономических систем – доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, которые различаются по основным факторам производства, по ведущим сферам экономики и по главенствующим социальным группам (табл. 2).

³ Среди социологов и экономистов России в популяризации и развитии постиндустриальных идей главную роль играют работы Владислава Иноземцева (см., напр.: [2]).

Таблица 2

**Основные характеристики
социально-экономических систем,
согласно парадигме постиндустриального общества**

Основные характеристики	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Главная отрасль экономики	Сельское хозяйство (производство продуктов)	Промышленность (производство машин)	Сфера информационных услуг (производство знаний)
Основной экономический ресурс	Земля	Капитал	Информация (знания, человеческий капитал)
Главенствующая социальная группа	Собственники земли (рабовладельцы, феодалы и др.)	Собственники капитала (капиталисты)	Собственники знаний (менеджеры, специалисты, ученые)

Согласно теориям постиндустриального общества, границами общественных систем являются социально-технологические революции: промышленная революция (рубеж XVIII–XIX вв. для европейских стран) отделяет индустриальное общество от доиндустриального, а научно-техническая революция (с 1960-х) знаменует переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Индустриальная система хозяйства победила в результате *промышленной революции* – массовой замены ручного труда машинным, в результате чего аграрное производство как базис экономики было вытеснено промышленностью. В развитых странах Запада с 1960-х разворачивается *научно-техническая революция* (НТР), сущность которой – в интеллектуализации труда, в превращении науки в ведущий фактор развития общественного производства. Материальное производство как таковое (и аграрное, и промышленное) постепенно отходит на задний план, более важным становится производство наукоемких услуг. Современная экономика рассматривается при этом как переходная ступень от индустриального к постиндустриальному строю.

Теории постиндустриального общества органично сомкнулись с теориями сдвига экономической власти («революции менеджеров»), которые начали активно развиваться еще до развертывания НТР, в работах экономистов-институционалистов начала XX в. (табл. 3).

Таблица 3

Сдвиги экономической власти

Характеристики	1-й этап	2-й этап	3-й этап	4-й этап
Главное содержание	Усиление роли технических специалистов	Усиление роли топ-менеджеров	Усиление роли работников управления в целом	Повышение вовлечения рядовых работников в управление
Время сдвигов	Конец XIX — начало XX вв.	С 1930-х гг.	С 1950-х гг.	С 1950-х гг.
Отражение в экономической мысли	Концепция технократии Т. Веблена	Концепция менеджериальной революции Дж. Бернхэма	Концепция структуры Дж. К. Гэлбрейта	Концепция «народного капитализма» Л. Келсо

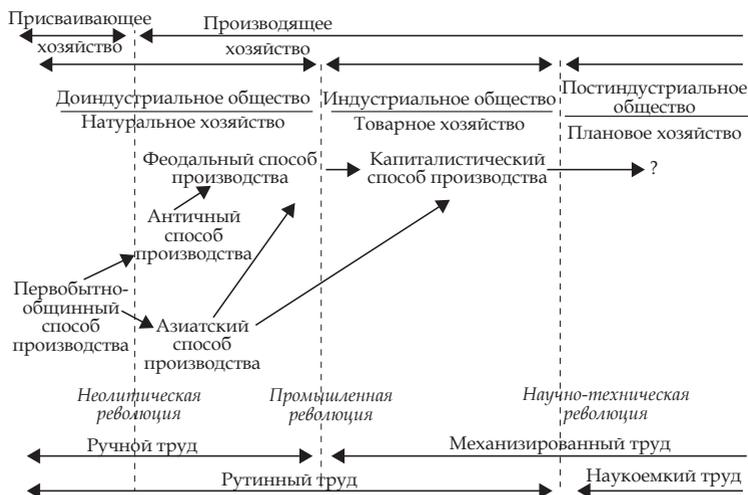
Уже на финальной стадии индустриального развития четко обозначился тренд повышения роли специалистов, которые получали доступ к контролю над собственностью благодаря своим технологическим инновациям. Символами этой тенденции стали, например, американец Т. Э. Эдисон, основоположник электроиндустрии (основанная им «Дженерал электрик» до сих пор является крупнейшей во всем мире нефинансовой ТНК), и итальянец Г. Маркони, пионер радиобизнеса. На их фоне ученые без «предпринимательской жилки» (как, например, Н. Тесла и А. Попов) казались архаизмом, даже если они имели огромные научные заслуги. С течением времени, однако, обнаружилось, что в организации производства технари отстают перед менеджерами, которые обладают специальными знаниями и навыками, прежде всего,

в сфере работы с людьми, а не с предметами и средствами труда. В результате если Т. Веблен призывал в своих работах 1920-х гг. передать власть технократам, то в «Революции управляющих» (1941 г.) Дж. Бернхэма констатировалось, что сдвиг экономической власти уже произошел. На первых порах главное внимание обращалось на высших менеджеров (директоров коммерческих фирм и руководителей государственных ведомств), затем пришло понимание, что «маленькие люди» (рядовые работники аппаратов управления и даже рядовые работники-исполнители) играют в организации производства все более важную роль. В результате в число собственников знаний, значимых в рождающемся постиндустриальном обществе, стали постепенно включать всех, кто обладает ценным человеческим капиталом.

Удачно освещая социально-экономические проблемы развития цивилизации Запада нового и новейшего времени, теория постиндустриального общества оставляет, однако, в тени макротенденции развития предшествующих эпох. Доиндустриальные общества сливаются у «постиндустриалов» в единое целое, где западноевропейский феодализм выглядит почти таким же отсталым и архаичным, как позднепервобытные вождества африканских народов. В результате остается непонятным, например, почему к индустриальному и постиндустриальному обществам страны Запада переходят гораздо успешнее, чем страны Востока. Впрочем, эту «ахиллесову пяту» концепции постиндустриального общества унаследовали от ортодоксальной версии марксистской теории формаций, которая тоже на этот вопрос не дает однозначного ответа, хотя анализирует докапиталистические способы производства и основанные на них формации гораздо более дифференцированно.

Созданная К. Марксом теория формаций/способов производства и развиваемая современными запад-

ными институционалистами и постмарксистами теория постиндустриального общества хотя и различаются в ряде аспектов, но отнюдь не отрицают друг друга. Более того, обе они покоятся на сходных принципах: развитие экономики рассматривается как первооснова развития общества, само это развитие трактуется как прогрессивный и стадиальный процесс. В рамках обеих парадигм грядущее общество рассматривается как находящееся, говоря словами К. Маркса из «Капитала», «по ту сторону материального производства» [5, с. 387]. Поэтому можно построить схему социально-экономического развития человеческого общества, синтезирующую оба подхода (рис.).

**Макротенденции развития общества:
 синтез теории способов производства
 и теории постиндустриального общества**

Основные теоретические идеи этой синтезной концепции таковы.

1. Есть три крупные фазы экономической эволюции – доиндустриальное общество (аграрная/ручная экономика), индустриальное общество (промышлен-

ная/машинная экономика) и постиндустриальное общество (информационная/наукоемкая экономика).

2. При более подробном анализе эволюция общества предстает как смена способов производства, каждому из которых присущи свои специфические производительные силы и производственные отношения. В недрах доиндустриального общества после разложения первобытного строя развиваются три различных способа производства, причем параллельно друг другу идут западный и восточный пути развития. Большинство раннеклассовых цивилизаций развивается по модели азиатского способа производства. Этот путь является тупиковым, развитие феодальных и тем более буржуазных отношений происходит здесь под влиянием извне, часто имеет обратимый характер. Как полагает большинство современных обществоведов, только развитие западноевропейской цивилизации (через античность и феодализм) создает предпосылки для возникновения индустриального общества, которому соответствует капиталистический способ производства.

3. Главными вехами экономического развития выступают три социально-технологические революции — неолитическая (переход к производящему хозяйству), промышленная (переход к механизированному производству) и научно-техническая (переход к наукоемкому производству).

4. Формы производства эволюционируют от обладания натуральных отношений (в доиндустриальных обществах) через товарное (в индустриальном обществе) к планомерному производству (в постиндустриальном обществе).

«Расшифровка» постиндустриального общества

Принципиально важный недостаток постиндустриальных концепций — это нечеткость ключевых терминов, используемых для обозначения трех основных исторических эпох. Собственно, единственным

содержательным термином является «индустриальное общество» — общество, основой которого является промышленность (именно в таком узком смысле полвека назад использовали термин «индустрия»⁴). Другие два названия обозначают лишь их предшествование и последование обозначаемых эпох по отношению к центральному в этой триаде общественному строю. Если бы марксисты следовали такой логике, они выделяли бы докапиталистические способы производства⁵, капиталистический и посткапиталистический. Однако К. Маркс и его последователи конструировали понятийный аппарат более логично — они обозначили будущий общественный строй (коммунизм) содержательным термином, который указывает на главную, по их мнению, черту этого общества (коллективизм в труде, управлении и собственности).

Терминологическая нечеткость отражает существенные расхождения в понимании того, какая именно характеристика «чуждого нового мира» является наиболее важной. Тот факт, что будущее общество разные авторы видят и называют по-разному — как постиндустриальное, посткапиталистическое, информационное, когнитивное и т. д. — свидетельствует не только о том, что сама экономико-социологическая теория общества будущего находится в стадии становления. Сами тенденции хозяйственной жизни таковы, что не вполне понятно, какие из уже появившихся институциональных характеристик являются фундаментальными, а какие — мимолетными.

Есть два основных подхода к решению проблемы «расшифровки» (подбора содержательного синонима) постиндустриального общества. Одни предлагают на-

⁴ Сейчас «индустрией» стали называть практически любую отрасль хозяйственной деятельности (легко встретить, например, выражение «индустрия моды»), но исходная аналогия с машинным промышленным производством сохраняется.

⁵ Такой термин действительно широко использовался в марксистском обществоведении.

зывать его «сервисным обществом», другие — «информационным обществом».

В пионерной монографии «Грядущее постиндустриальное общество» Д. Белла уже содержались обе наиболее часто обсуждаемые характеристики постиндустриализма — как создание экономики услуг, так и центральная роль научно-технических специалистов и научного знания как источника нововведений. Главный акцент Д. Белл делал все же на экономике услуг — на том, что третичная (сервисная) занятость вытесняет первичную (аграрную) и вторичную (промышленную). По его мнению, если в аграрных обществах главным было производство пищи, в индустриальных — производство машин, нацеленных в конечном счете на механизацию производства пищи, то в постиндустриальных — «производство» квалифицированных работников, способных работать на сложных машинах. В связи с этим современный специалист по теории постиндустриального/информационного общества Ф. Уэбстер назвал культовое «Новое индустриальное общество» Д. Белла «хорошей плохой работой»: «это академически богатая, крепко скроенная, исполненная воображения работа, которая производит большое впечатление», однако содержит серьезные ошибки [11, с. 46].

Один из главных аргументов Белла, при помощи которых он доказывал рождение «нового постиндустриального общества», заключается в неоспоримости статистики: в развитых странах сектор услуг стремительно рос, в то время как промышленный и сельскохозяйственный секторы сокращались. Однако, как известно, преобладание сектора услуг наблюдается в наши дни уже и в развивающихся странах, однако это чаще всего трактуют как симптом не «постиндустриальности», а, наоборот, экономического неблагополучия.

Дело в том, что значительная часть современной сферы услуг — это не компьютерные салоны и не научные исследования, а уборка помещений, обычная

(совсем не электронная) торговля, индустрия традиционных развлечений (бары, казино, шоу-бизнес). Подобные услуги обильно производили еще в доиндустриальных обществах, производство именно таких архаичных услуг и преобладает в «третьем мире». Развитие общественного разделения труда и тотальная маркетизация привели к лавинообразному росту традиционных услуг (адвокаты, полицейские, кассиры, бухгалтеры, работники прачечных, уборщицы, официанты, журналисты, почтальоны...), которые, строго говоря, с НТР прямо не связаны. Что же касается более наукоемких услуг (образование, финансы, страхование), то они в значительной степени обслуживают вовсе не людей самих по себе (как это утверждал Белл), а предпринимателей производительной сферы. Получается, что расширяющаяся сфера услуг отчасти «доиндустриальна», отчасти «индустриальна»; «постиндустриальный» компонент, конечно, есть, но его выделение требует куда более глубокого подхода, нежели тот, который дал в своей пионерной книге Белл. Поэтому когда в наши дни говорят про доминирование в постиндустриальном обществе сферы услуг, то обычно уточняют, что речь идет о наукоемком сервисе (программисты, ученые, преподаватели...).

Уже у Олвина Тоффлера в «Третьей волне» (1980 г.) [10] главный акцент переносится с доминирования сервиса на развитие, как сейчас говорят, знаниевых технологий. Среди главных черт экономики «третьей волны» (т. е. эпохи НТР) он обращал первостепенное внимание на то, что среди факторов производства первостепенным становится знание (информация, базы данных, культурные ценности). Для работника наиболее существенным становится способность создавать и, самое главное, практически применять знания. В результате в сфере труда происходит резкое повышение квалификации и падение взаимозаменяемости — принцип «незаменимых нет» остается в старом индустриальном обществе.

стриальном мире с его работниками-винтиками. Для поддержания конкурентоспособности необходимы постоянные новые идеи — регулярные нововведения.

Современные подходы к трактовке постиндустриального общества связаны уже с идеями не столько Дэниела Белла и Олвина Тоффлера, сколько Мануэля Кастельса. Если ведущие теоретики постиндустриального общества 1970–1980-х гг. определяли новый общественный строй в основном через отрицание (постиндустриальное — после индустриального), то Кастельс дал ему развернутое позитивное определение — как общества, основанного на информационных технологиях.

Квинтэссенцией исследований М. Кастельса по проблематике постиндустриального общества стала монография «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996–1998) [3]. Согласно Кастельсу, новые технологии, связанные с производством информации как нематериальных благ, формируют принципиально новое, информационное общество. Возможности информационных технологий приводят к зарождению единой социально-экономической системы, объединяющей весь мир. Информационная эпоха порождает общество, которое, как полагает Кастельс, является не только глобальным, но еще и сетевым (*network society*) — оно развивается спонтанно, в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей.

Как подчеркивал М. Кастельс, хотя процветание стран еще зависит от развития их внутренней экономики, а не от глобального рынка, но в самых развитых отраслях экономики (финансы, телекоммуникации и СМИ) уже видна общемировая тенденция глобализации. Ключевой элемент этой системы — обладание информационными технологиями (в частности, возможностями сети Интернет). Именно они определяют как место страны в мировой иерархии, так и место отдельных людей в социальной структуре.

Принципиально важно отметить, что если основоположники постиндустриальных теорий от марксизма дистанцировались, то Кастельса обычно относят к числу постмарксистов — тех обществоведов, кто сознательно трансформирует исходные марксистские идеи к новым условиям, кто создает «марксизм XXI века». Таким образом, современный научный дискурс о постиндустриальном/информационном обществе правомерно рассматривать как инкарнацию марксизма, который до сих пор «живее всех живых».

Органическим элементом марксистского обществоведения является пристальное внимание к социальным аспектам любых экономических процессов. Действительно, теоретики постиндустриализма активно изучают влияние информатизации на социальные неравенства. Они подчеркивают, что даже в развитых странах далеко не всем удастся освоить новый образ жизни, основанный на постоянном использовании новых информационных технологий. В результате существовавшая раньше социальная противоположность владельцев средств производства и наемных рабочих постепенно сменяется, по Кастельсу, делением на «Интернет-имущих» (тех, кто может и умеет пользоваться современными средствами информационных коммуникаций) и «Интернет-неимущих» (тех, кто не может и/или не умеет ими полноценно пользоваться).

Американский социолог-неомарксист Г. Шиллер, специально анализировавший влияние новых технологий на социальные практики [12], еще 30 лет назад указывал, что под ширмой нового информационного общества скрывается старый капитализм: «вопреки мнению, что капитализм меняет свою природу, основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения не происходили в технологической и информационной сферах» (цит. по [11, с. 169]). Ведь качество информации во многом определяется тем местом, которое занимает индивид в

обществе, — чем ниже он стоит на социальной лестнице, тем ниже качество информации, которую он может получить. Шиллер обращал внимание на то, что примерно 2/3 современных информационных технологий используют правительство и бизнес. На долю населения остается лишь 1/3, львиная доля которой к тому же попадает в руки «информационных богачей». Что касается «широкой публики» — основной массы граждан, состоящей из «информационных бедняков», — то им остаются лишь «объедки» в виде телевизионных «мыльных опер» и игровых приставок.

Применительно к России оценки М. Кастельса и Г. Шиллера следовало бы дополнить указанием на сильные межрегиональные различия. Современная Россия по степени развития сферы информационных услуг занимает промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, причем одни российские регионы схожи с развитыми странами, другие — с развивающимися. С одной стороны, уже в 1990-е гг. в крупных городах (особенно, в Москве и Санкт-Петербурге) наблюдалось стремительное приближение к западным стандартам развития сервиса. С другой стороны, в российской «глубинке» сфера услуг даже в 2010-е гг. развивается в формах, более близких к странам «третьего мира» (неформальная организация бизнеса, широкое использование малоквалифицированного труда, нехватка наукоемких услуг). В результате экономика страны приобретает странную форму архипелага постиндустриальных анклавов-мегаполисов, окруженных широким кольцом индустриальных средних и малых городов, а в сельской местности легко найти и доиндустриальные уклады. Впрочем, при более подробном рассмотрении элементы индустриальных и доиндустриальных форм хозяйства нетрудно найти и в мегаполисах (например, широкомасштабное использование труда мигрантов и этническое предпринимательство), а постиндустри-

альная Интернет-связь встречается и в селах (прежде всего, в коттеджах дачников-горожан).

Таким образом, современные последователи Маркса вполне разделяют марксовский дискурс о приоритетном внимании к проблемам социального неравенства, хотя постиндустриальное неравенство сильно отличается от известного Марксу неравенства индустриального общества.

Список использованной литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт соц. прогнозирования / Д. Белл ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 2004. — CLXX, 783 с.
2. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В. Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 302 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, о-во и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 606 с.
4. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1957. — Т. 9. — С. 224-230.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3, ч. 2 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1962. — Т. 25, ч. 2. — 551 с.
6. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 4. — С. 419-459.
7. Маркс К. Наемный труд и капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1957. — Т. 6. — С. 428-459.
8. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 4. — С. 65-185.
9. Маркс К. Письмо В.И. Засулич / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М. : Политиздат, 1961. — Т. 19. — С. 250-251.
10. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; [пер. с англ.]. — М. : АСТ, 1999. — 781 с.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер ; пер. с англ. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 398 с.

12. Schiller H. Information and the Crisis Economy. – Norwood, NJ : Ablex Publishing, 1984. – 133 p.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН; профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: latov@mail.ru.

Author

Yury V. Latov – D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Sociology RAS; Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, Russian Federation, 125993, e-mail: latov@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Латов Ю. В. Что находится «по ту сторону материально-го производства»? Марксистские корни и институциональные ветви постиндустриальных теорий / Ю. В. Латов // Историко-экономические исследования. – 2017. – Т. 18, № 1. – С. 7-29. – DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).7-29.

Reference to article

Latov Yu. V. What is on the other side of material production? Marxist roots and institutional branches of post-industrial theories. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 7-29. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).7-29. (In Russian).